

Компания, собравшаяся за маджонгом, играла до самого утра, а затем, собравшись в столовой, принялась за миску рисовой каши. Среди них лишь Цзинь Шуань выглядел как обычно, остальные же походили на переваренные пельмени: насытившись, они тут же распластались на своих кроватях, словно вся энергия, которую они только что тратили на разбрасывание карт и ругань на кости, испарилась без следа.

Хань Чжоу спал совсем недолго, целый час его мучили кошмары, и в итоге он был разбужен звонком телефона.

С глубоким вздохом он нехотя перевернулся на живот, вытащил телефон из-под одеяла и увидел, что звонит его старший брат, Хань Дун.

Тот сообщил, что у него закончилась рисовая бумага. Вчера, увидев снег, он хотел было порисовать, но, не найдя бумаги, попросил Хань Чжоу принести ему пачку вечером.

В его голосе сквозило недовольство, словно в том, что он не смог порисовать, был виноват его младший брат.

Хань Чжоу прижал телефон к уху, закрыв глаза и слушая, как его брат бесконечно ворчит. На самом деле, он был еще в полусне и не мог сосредоточиться, пока Хань Дун наконец не перешел к сути:

— Почему ты опять связался с этим архитектором? Я же говорил тебе держаться от него подальше?

— Ох, боже! — Хань Чжоу почесал ухо, выражая крайнее раздражение. — Мы просто собрались компанией, неужели ты думаешь, что мы будем кататься с ним на маджонге? Ты все время следишь за мной, как за вором...

— Если уж ты так хочешь следить, то я тебе перечислю. — Он сел на кровати, опершись на изголовье, одной рукой продолжая держать пульт от телефона. — Вот, например, наш преподаватель по дизайну одежды, старина Гоу, он гей, и мы с ним неплохо ладим, в прошлом месяце вместе пили. А еще мой однокурсник, один занимается масляной живописью, другой — гравюрой, оба гомосексуалы. А еще один, который гримирует звезд, тоже...

— Ладно, хватит! — Хань Дун не дал ему закончить, не желая больше слушать.

Его тон немного смягчился, и он выбрал более обходную тактику:

— Я просто боюсь, что ты слишком много времени проводишь с ним, и это может помешать ему строить отношения. Ты, может, и не думаешь об этом, но вдруг он к тебе привяжется?

Хань Чжоу раздражался от его слов, продолжая нажимать на кнопки пульта, его внимание уже давно рассеялось, и, услышав одно слово, он резко ответил:

— Какой еще «привяжется»? У тебя такие грязные мысли!

Хань Дун: «...»

— ...Нет, я не это имел в виду... — Хань Чжоу сам слегка опешил от своих слов, затем мысленно выругался на «Ангелов со сломанными крыльями», которые явно были не теми, за кого себя выдавали. Все они были переполнены грязными мыслями, но при этом называли себя ангелами. После одной ночи в их компании у него самого язык развязался на неприличные

темы, и он решил, что впредь будет с ними реже видеться.

Он кашлянул, переведя взгляд на утренние новости по телевизору, чтобы сменить тему:

— Вот что... Забыл тебе сказать, двое хотят купить твои картины. Один из них хочет обойтись без посредников, сэкономить на комиссии и отдать тебе 30% напрямую, но для этого нам нужно будет подстроить ситуацию. Я отказал. Другой хочет заказать картину со снегом, цена не проблема, я хотел узнать твое мнение.

Хань Дун на другом конце провода молчал некоторое время, затем тихо произнес:

— С картинами ты сам решаешь. Продавать или нет — мне все равно придется их писать, а сколько за них выручить — это уже твое дело. Ведь все мои деньги и так твои, мне они не нужны.

Сказав это, Хань Дун повесил трубку. Хань Чжоу сидел на кровати, долго не двигаясь. С самого детства его брат периодически повторял подобные фразы: «Карточка ведь у тебя?», «Все мои деньги твои», «Зачем копить столько денег, если ты их не тратишь?», «Я видел у подъезда спортивную машину, она тебе нравится? Не хочешь купить?», «Не скупись, покупай, что хочешь, только оставь мне немного на краски».

Слушать такие слова один или два раза действительно приятно, но когда они повторяются слишком часто, это становится бременем.

Хань Чжоу не мог точно описать это чувство. Дело было не в количестве денег, даже если бы это был всего один юань, это все равно была бы огромная благодарность, которая давила на него, не давая дышать. Поэтому, кроме дома, в котором он сейчас жил, он не тратил ни копейки из денег Хань Дуна, а вкладывал их в инвестиции и сбережения, хотя его брат, возможно, и не нуждался в них.

Хань Чжоу чувствовал тяжесть на душе. Он встал, надел халат и налил себе стакан воды. Взглянув на часы, он увидел, что было всего лишь восемь пятнадцать.

Он раздвинул шторы и вышел на балкон, чувствуя, как солнечный свет падает на его лицо, а холод после таяния снега проникает в тело.

— Учитель Хань.

Через некоторое время сбоку раздался голос Цзинь Шуаня.

— Брат Ань! — Хань Чжоу обернулся и увидел, что Цзинь Шуань прислонился к перилам соседнего балкона. Он был немного удивлен:

— Почему так рано? Почему не спишь?

Вчера вечером, поддавшись легкому опьянению, они вдвоем заглянули в мастерскую Цзинь Шуаня. Весь процесс занял меньше двух часов, они не успели обсудить ничего серьезного, но их отношения стали гораздо ближе, чем за предыдущий месяц знакомства.

— Не хочется спать. — На самом деле, Цзинь Шуань уже некоторое время наблюдал за Хань Чжоу. Тот, казалось, был погружен в свои мысли, уставившись вдаль, но его глаза были туманными, словно он ничего не видел.

Он кивнул в сторону Хань Чжоу:

— Не холодно в халате?

Хань Чжоу поправил воротник, потер лицо руками, и его взгляд снова стал ясным:

— Только лицо немного зябнет. После этого кошмара, где я горел в огне, теперь даже на ветру не чувствую холода.

— Тебе снился пожар? — Цзинь Шуань слегка нахмурился.

— Да. — Хань Чжоу зевнул, почесал растрепанные волосы. — Обычно я вижу кошмары раз в год, и чаще всего это пожары. Не знаю, может, это к богатству, но в последние два месяца мне это снилось дважды.

— Тогда, может, вернешься в студию и поспишь? — Цзинь Шуань слегка сжал губы, его глаза стали чуть темнее.

В тот день Цзинь Шуань сначала отвез Хань Чжоу в студию, и по дороге они немного поговорили о Лю Жань. Хотя архитектор тоже умел рисовать, он не высказывал никаких мнений по поводу творческих экзаменов, просто молча слушал, как Хань Чжоу говорил.

Хань Чжоу был прямолинеен, не сдерживался и не выбирал слов. Он прямо заявил, что Лю Жань — ребенок без особого таланта. В отличие от тех, кто за несколько месяцев делает огромные успехи, у нее нет особой интуиции, и все ее навыки — результат долгих и упорных тренировок. Поэтому, когда она осознает, что находится в невыгодном положении, она не признается в этом вслух, но внутри начинает нервничать, боясь перемен.

— В творчестве главное — это страсть. Если ты постоянно находишься в напряжении, то твой стиль становится все более жестким и ограниченным.

Хань Чжоу, проходя мимо магазина, купил банку «Планетарных чашек». Он любил перекусывать и теперь, разговаривая с Цзинь Шуанем, продолжал есть.

— Лю Жань потерпела неудачу на экзамене, и если дома ей не с кем поговорить, она может заикнуться на этом. В худшем случае, она может забросить свое искусство, а если еще и учеба пойдет не так, она может сломаться. Если она останется в студии и попытается исправить ситуацию, я не могу гарантировать успех в этом году, но в следующем она сможет поступить в хороший вуз. У нее ведь есть база.

Хань Чжоу не заметил, как изменился, но Цзинь Шуань слушал с удовольствием. Судя по их прежним отношениям, Хань Чжоу точно не стал бы так откровенно высказываться. Он бы не стал говорить все так прямо и подробно.

Так что эта ночь прошла не зря. После всех этих безумств они, по крайней мере, стали друзьями.

Цзинь Шуань улыбнулся, глядя в сторону, и как раз увидел, как Хань Чжоу облизывает «Планетарную чашку».

Полупрозрачная чашка была почти пуста. Хань Чжоу языком выскребал остатки белого шоколада со дна, его розовый язык ловко скользил по поверхности, собирая сладкую массу, а затем он облизнул губы, которые стали влажными и сладкими.

Цзинь Шуань почувствовал, как его горло сжалось. Он поправил воротник и потянулся к уху Хань Чжоу, но, осознав, что делает, замер на полпути. Его рука беспомощно зависла в воздухе, а затем он взял две «Планетарные чашки» из ведра на коленях Хань Чжоу и сунул их в карман пальто.

— Ты хочешь попробовать? — Хань Чжоу был удивлен этим жестом. Раньше Цзинь Шуань отказывался, и он думал, что такие высокопоставленные люди не едят подобные вещи. Но теперь тот сам взял. Значит, никто не может устоять перед закусками, верно?

Хань Чжоу, жуя печенье, взял из ведра две большие горсти и положил их в центральный подлокотник.

Цзинь Шуань, держа руль, с неровным дыханием сказал:

— Спасибо.

После короткого отдыха, последовавшего за окончанием экзаменов, Хань Чжоу снова погрузился в работу.

Вступительные экзамены в различные академии искусств проходят в разное время, и критерии отбора в каждом учебном заведении сильно отличаются.

<http://bllate.org/book/15564/1415513>